

*Конончук Д.В.
Kononchuk D.V.*

Памяти Александра Леонидовича Сергеева

In memory of Alexander Leonidovich Sergeyev

Он был самым неординарным человеком из всех, с кем сводила меня судьба. И уйти он мог только так, как ушёл: в разлом времени меж двух годов. Я не могу сказать «его не стало». Он ушёл. Погостил у нас и ушёл в новогоднюю ночь. Так, как уходят люди, которых в Китае называли словом 聖 шэн. Или святой, как говорят в России.

Когда я, впервые заявившись на кафедру китайского языка ДВФУ и затеяв разговор, спросил:

– А кто у нас в ДВФУ лучший специалист по древнекитайскому языку?

– Александр Леонидович Сергеев, – ответили мне так буднично и уверенно, словно мой вопрос был о том, сколько будет дважды два.

И вот, я помню ту минуту, когда захожу на кафедру Тихоокеанской Азии и обращаюсь к нему. Как он впервые поднимает на меня свои детские, лучистые глаза... Он не уставал восхищаться танцующей вокруг жизнью, он всегда совершенно по-детски изумлялся, и не умел злиться. Мы, философы, так остро чувствуем зло только потому, что наш мир соткан из добра. Мы перестаём чувствовать зло, когда однажды понимаем, что в нашем мире нет ничего, кроме добра. Александр Леонидович Сергеев, из всех, кого я знал и знаю, был единственным, кто сумел увидеть мир именно таким. Он просто-напросто не видел зла, не замечал его, смотрел сквозь него. Хотя, казалось бы, жизнь провела его через всё. Даже через потерю сына.

– Александр Леонидович, есть ли что-нибудь страшнее смерти?

– Наверное, смерть детей...

Мы сидим с ним под деревом рядом с построенным им домом в лесной ложбине близ Штыково, откуда он два-три раза в неделю ездил за 60 километров во Владивосток, в свой университет, на службу. Тёплое дыхание летнего ветра играет с листвой, и Александр Леонидович смотрит вдаль. Как даосский отшельник, он выбрал местом для жизни этот лес, и завещал развеять там свой прах. Увидев смерть вблизи себя, он преодолел присущий обычному человеку страх перед ней и даже часто с ней шутил. Когда он говорил, о чём бы то ни было, как-то само собой понималось, что предмет виден ему с такой достигнутой им самим точки высоты, в которой сходятся воедино страсть философа и беспристрастность учёного. Это совершенно удивительное, невиданное, непонятное обычному человечку свойство Истины – быть ко всему и страстным, и беспристрастным одновременно. Именно поэтому он и не умел злиться: он всегда был выше всего творившегося вокруг. Так могут только шэны. Рождённый здесь, он был не отсюда. А не отстранялся он от жизни потому, что понял её суть, когда она научила его самой неподъёмной науке – принимать всё как таковое, подобно тому, как с детской улыбкой при-

КОНОНЧУК Дмитрий Васильевич, к.ф.н., доцент кафедры философии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток) **E-mail**: Novymladshy@yandex.ru

Фотография предоставлена Н.А. Сергеевой.

Фото 1. Александр Леонидович Сергеев с удэгейцами во время его сплава по р. Бикин. Село Красный Яр.

нимают жизнь и смерть герои «Чжуан-цзы». Он жил в восхитительном, блистательном мире, видел только блистательное и сам загорался им, и блистательное отвечало ему, продолжая танцевать вокруг свой волшебный танец. «Я восхищаюсь! Блистательно!» – как часто он произносил эти слова, говоря обо всём, – о людях, книгах, животных, деревьях, вещах... Его собственная блистательность была спокойной, как шёпот ручья. Главное, чему он научил меня – никогда ничего не доказывать.

– Александр Леонидович! Ну почему Вы это так переводите?! Это слово никогда не имело такого значения! – возмущён я, а на самом деле мне так хочется с ним согласиться, – Ну убедите меня, докажите!

– Не знаю, Дмитрий Васильевич, – произносит он, качая головой, – здесь так написано... Как скажете, как Вам будет угодно!

И опускались руки. Это был у вэй, не-делание. 無為而無不為. «Не делайте ничего, и ничего не останется несделанным», – не раз повторял он.

Он был старше меня в два раза. Да, человек, который был на «ты» с жизнью и со смертью, он убеждён, по старому, ныне забываемому почти конфуцианскому ритуалу преподавателей ДВГУ, называл меня на «Вы» и по имени-отчеству, хоть я не раз смущённо лепетал, что пока не заслужил, чтоб со мной так церемонились. Простите, что сужу по себе. Но ведь я здесь не могу являть собой какое-то исключение. Просто вот таким он был со всеми людьми.

– Александр Леонидович, да бросьте Вы эти разговоры о смерти! У нас ведь столько дел! Я уже вижу наших будущих маленьких философов, которых Вы, как и прежде учите древнекитайскому!

– Если буду жив, Дмитрий Васильевич!

И всё-таки, Александр Леонидович, простите, что настаиваю, но Вы же меня знаете... Бросьте Вы эти разговоры. Дело, которое Вы начали, продолжается. Теперь мы знаем, что нужно делать. Вы научили нас этому и, научив, оставили нас здесь. А у нас всё хорошо. Я продолжаю наш с Вами перевод и уже перевалил за половину. Скоро растает снег на крыльце Восточного Института, за окнами которого первокурсники выводят свои первые в жизни иероглифы. В общем, всё у нас по-прежнему. Только Вас нам не хватает, Александр Леонидович. Очень не хватает.

От нас всех, от всех, кого Вы воспитали в любви к нашему общему делу, от всех – Спасибо Вам. И поклон.